

РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

*Доклады на 13-й Кузнецовской конференции
Института мировой литературы**

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ
(Воронеж)

ВЗГЛЯД ИЗ ДРУГОЙ ЭПОХИ

Статья Татьяны Глушковой “Через несколько лет...” и поэзия Юрия Кузнецова

Прошло почти тридцать лет с того времени, когда стихи Юрия Кузнецова представлялись некой инородной частью русской лирики. Причём определение “лирика” подразумевало среди прочих качеств также и задушевность, расположенность автора к читателю, разговор на “всем понятном языке”. За эти годы в жизни русского человека произошли невообразимые прежде изменения – рухнула советская государственность, ушли из практического ежедневного обихода такие понятия, как справедливость, честность, ответственность. Конечно, эти свойства русского характера сохранились в реальности, но теперь они выглядят почти маргинальными на фоне пустого резонёрства и фактического цинизма чиновного и делового сословия, неискоренимой пошлости телевидения, художественного сговора влиятельных персон внутри самой культуры, когда грязное и порочное стало называться интересным и творческим, а очевидно тупое – интеллектуально продвинутым. Сместились координаты, в которых ранее рассматривалась поэтика Кузнецова, и русский ум потребовал смысла: где мы находимся во времени? Каково пространство, в котором живёт современный человек? Что хранит наша память? Какие святыни нам дороги? Что сулит нам завтрашний день? Сильна ли ещё русская душа? И неожиданно давние стихи ушедшего поэта перекликаются с новой действительностью, помогают нам понять себя и поддерживают в нас ещё тлеющую волю к жизни.

За последние полтора десятка лет появилось много работ о самых разных сторонах поэзии Юрия Кузнецова. Почти все размышления начинаются в какой-то степени с чистого листа – и в этом есть своя, очень верная логика, уводящая исследователя от полемики с антагонистами, которые остались в прошлом. Между тем, среди прежних литературно-критических текстов можно найти суждения на редкость точные, и они помогут нам понять некоторые аспекты художественной мысли поэта. В первую очередь, стоит обратить внимание на большую статью Татьяны Глушковой “Через несколько лет: “Русский узел” в стихах наших дней” (1983–1985). Главным тезисом здесь является

* Публикуются в сокращении.

понятие “безотцовщины”, родового одиночества — это трагическое состояние коснулось в литературе почти всех “детей войны” и отразилось, так или иначе, в их произведениях.

Касаясь ряда имён и стихотворений, Глушкова ведёт речь, прежде всего, о творчестве Юрия Кузнецова и, в отличие от многих критиков, выделяет в “безотцовщине” главное: ментальное и душевное устройство поэта. Такой угол зрения принципиально важен, поскольку у большинства иных стихотворцев, испивших в детстве ту же горькую чашу одинокого детства, лирическая ткань насыщена, главным образом, деталями и **переживаниями** автора, образительными средствами вовлекающего читателя в круг своих чувств и предметов, окружавших в давние годы юного героя. В результате возникает эффект **сопереживания**, без которого не может существовать поэзия, однако мысль, соединяющая времена, — нынешнее и прежнее — остаётся непроявленной. Татьяна Глушкова, напротив, высоко ценит этот ракурс поэтического сюжета, скрепляя его с проблемой историзма. При таком подходе отчётливые черты ушедшей поры соединяются с канвой стихотворения, и оно автоматически становится дополнительным (теперь уже литературным) свидетельством русского лихолетья.

Однако всякое событие, тем более грандиозного масштаба, производит в человеке некую переустановку ума и души, его “Я” меняется, обретает новые свойства и утрачивает некоторые старые. В обиходе мы называем это душевным опытом, но на самом деле внутри нас возникает какой-то ещё не ведомый инструмент для проверки настоящего мгновения и разгадки будущего хода вещей. С подобным душевным переустройством, без сомнения, связано становление поэтического мира Юрия Кузнецова. Поэт словно бы обрёл невиданное прежде зрение и в картинах реальности, отодвигая насыщающие глаз подробности, стал видеть вторую и третью глубину слов и движений, людей и явлений, народов и мистических существ. Двигаясь от кроны дерева вниз, он созерцал его корни, погружаясь глубже, минуя почву, наткнулся на базальт, раздвигая материю, проваливался в какие-то непостижимые бытийные глубины, в коих и творилась, причудливо меняясь, судьба России — тяжкая, горькая, но и славная, высокая духом. Можно сказать, что перед нами возникает образ визионера, владеющего поэтическим слогом. Для отечественной поэзии в подобной фигуре нет ничего запретного, большие и малые русские стихотворцы обладали таким даром и ценили в себе способность созерцать “подкладку” происходящего, преодолевая плотную границу очевидного.

Среди “детей войны” Юрий Кузнецов — один из немногих поэтов-визионеров последнего времени, и потому его стихи столь не похожи на произведения собратьев по детскому несчастью. Сюжеты Кузнецова не совпадают с “объективным” историзмом, но воссоздают перед читателем картины, которые, по логике рассуждений Татьяны Глушковой, можно назвать *историзмом гипертрофированным*. Вот только сегодня вокруг нас кипит совсем другой мир, так не похожий на советскую обыденность 1980-х, и уже он порой чудовищно аукается в движениях лирического сюжета прошлых стихотворений поэта.

У Юрия Кузнецова конфликт как бы *вынут из реальности* и подвергается сомнению весь её осязаемый контекст, тогда как у всех иных авторов того же поколения конфликт лирической истории *опрокинут в реальность*, что почти неизбежно переносит произведение в ограниченное смысловое пространство стихов-свидетельств. В финале стихотворения “Бывает у русского в жизни...” (1974) присутствует строка, в те годы не имевшая того программного значения, которое ныне столь наглядно и расшифровывается как пророчество или *провидение*: “Идти мне железным путём // И зреть, что случится потом”.

У Глушковой, пожалуй, впервые в послевоенной литературе мы сталкиваемся с отрицательным интонированием слова “безотцовщина”. В нём приглушена сострадательная доля смысла и определённо акцентирована отрезанность героя и автора от родового корня. Они, кажется, не продолжают прошлое и не связывают его с будущим, но живут только горьким настоящим и мистериальным ощущением грозного завтрашнего дня. В их характере есть что-то странническое, когда всякое место представляется временным, а всё постоянное живёт только в памяти, оставаясь позади как невозвратное.

Тут можно вспомнить чрезвычайно важное замечание Юрия Кузнецова из его статьи “Воззрение”: “Человек в моих стихах равен народу”. И тогда жестокие этапы русской истории окажутся яркой иллюстрацией попыток самых

разных сил отнять у нашего народа его отцовство, отделить корень от ствола и засушить родовое древо. Если помнить об этих обстоятельствах и относиться к ним всерьёз, стихотворения Кузнецова совсем не покажутся “засушенными” в изобразительном отношении, а роковой гул, наподобие того, который слышался Блоку при работе над поэмой “Двенадцать”, станет и для нас предвестием разрушения мира. Нет здесь пренебрежения ландшафтом, пусть Кузнецов и упрекал Пушкина в излишнем пристрастии к пейзажной лирике. И способность поэта различать большие и малые голоса земного царства не отменяется рокотом вселенной, которая слепо убивает своих детей – простых и великих, плохих и самых лучших. Это упрёк Татьяне Глушковой в начале 1980-х, когда ничто как будто не предвещало апокалиптических изменений конца XX века и начала нового тысячелетия.

В “безотцовщине” Кузнецова можно обнаружить, на первый взгляд, непонятную иерархию значимости, как бы перевёрнутую последовательность. Бросая тени погибшего отца рыдающие слова: “...Ты не принёс нам счастья!” – сын оказывается с миром один на один. Его одиночество представляется неизбежным ещё и потому, что сын обрёл жребий поэта. В дальнейшем, уже без оглядки на минувший день и затянувшиеся на сердце рубцы, он движется по теснинам мира и пустынным пределам неземного пространства, где складываются судьбы и, словно неотвратимое бремя, сбрасываются на землю. Павший в сражении отец исполнил предназначенное каждому мужчине: подарил родной земле сына. И тот в настоящем времени первичен. Именно эта первичность в настоящем отодвигает фигуру отца в память, неявно подсказывая читателю: у Юрия Кузнецова всё происходит в настоящем, которое соскальзывает в будущее. Именно эти субстанции времени – настоящее и будущее – составляют для поэта понятие “всегда”, а прошлое, непостижимым образом передавая им свой вес, остаётся только зыбкой тенью.

Сопоставляя стихотворения Юрия Кузнецова с классическими примерами полноты изображения, чувства и мысли у Пушкина и Блока, Татьяна Глушкова называет едва ли не главный изъян поэта, который с избытком перекрывает все её аналитические упреки: “сальеризм”. Эта формула, по существу, отрицает наличие у художника творческого порыва, трепетной связи с реальной жизнью и способности переживать с окружающими людьми их беды и радости, красоту и ужас бытия. В размышлениях Глушковой такая беспощадная констатация присутствует как бы вскользь, не приводя исследователя к окончательному выводу: Кузнецов использует сухие схемы, в его строках нет сердца, детская наивность как первооснова художественного порыва ему совершенно не близка. Приведённые позиции могут быть, при желании, опровергнуты многими произведениями поэта. И потому в заключениях критика видна изначальная нелюбовь к стихам автора, совершенно не похожего на иных современных лириков, отчётливое нежелание, помимо отстранённых наблюдений, отметить достоинство или просто поэтическую удачу в его образах, сюжетах, сопоставлениях, нравственном устройстве нарисованного им мира. Умозрительность и порой герметичность ряда художественных высказываний Юрия Кузнецова не отменяют его стихотворений, написанных безыскусно и эмоционально (“Анюта”, “Кубанка”). А в поздних стихах и поэмах изобразительная основа точна и проработана мастером: рисунок и композиция безукоризненны, а цветочные пятна даны с замечательным пониманием меры.

Сегодня нет повода спорить с давней работой уже ушедшего от нас критика, тем более что и творчество поэта с его кончиной обрело свои границы. Анализ Татьяной Глушковой стихотворений Юрия Кузнецова подробен и внимателен, в нём есть очень верные движения мысли и серьёзные задачи, хорошо понимаемых исследователем. Вот только умозрительность, в которой обвиняет поэта автор статьи, оказывается свойственна самому критику. А нежелание поверить художнику, понять и принять хотя бы некоторые постулаты воссозданного им художественного мира свидетельствует о самодостаточности читателя и его фатальной неспособности выйти за пределы своего “Я”, раствориться в бытии и с великой осторожностью совмещать его контуры с видимой и противоречивой реальностью.

Уважаемые читатели!

Материалы разделов «Проза», «Очерк и публицистика», «Критика» и некоторые другие размещаются на сайте фрагментарно. Интересующий вас текст или номер журнала в формате pdf можно заказать в редакции. Файлы будут высланы на ваш электронный адрес.

Переведите удобным вам способом 100 руб. на счет «Нашего современника» (ИНН 7702042678, р/с 40703810638090101374, БИК 044525225) и затем пришлите заявку на n-sovrem@yandex.ru, указав желаемый материал (номер) и свои имя-фамилию для идентификации платежа.

Для транзакции через мобильный банк выберите «Платеж по реквизитам» и далее следуйте подсказкам. В поле «Назначение платежа» достаточно вписать номер журнала, например: 2/2021 пдф